

Точка зрения

НОВЫЙ ВЗГЛЯД на образ Чацкого.

Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»

**Нина
Хестанова,**
*заслуженный
учитель РФ,
Республика
Северная
Осетия*

Последние два века Россия пережила столько катастрофического, что пришла пора очень глубоко задуматься, почему столько трагического свалилось в XX век именно на наши народы, да и XXI век несёт нам пока мало хорошего.

Всё это тем более необъяснимо, что XIX век нам дал великую литературу, равной которой нет ни у какого другого народа. Просветители Франции несли в народ идеи революции и индивидуализма и пожалели революции и Наполеона с его захватническими войнами. Русская же литература всегда сочувствовала угнетённому народу, призывала к милости к обездоленным, но никогда не призывала к бунту. Правда, надо признать, что из великих один был исключением — Некрасов, но другие-то великие были куда мощнее его, и среди этих других великих были гении — Пушкин, Грибоедов Достоевский, не только великие художники, но и великие **провидцы**. Может быть, дело в том, что мы их не сумели услышать. И вот теперь, понеся столько потерь, пора нам вслушаться и вчитаться в их произведения заново и понять их, чтобы не повторять своих заблуждений.

Нового прочтения нашей классики требует и такое свойство великих произведений, как способность разбивать грани своего времени и жить более интенсивной жизнью, более полной жизнью, чем в своей «современности». Это свойство великих произведений сформулировал Бахтин в своей «Эстетике словесного творчества». Он утверждал, что они «в процессе своей посмертной жизни обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания».

Кроме того, великая магия искусства строится ещё и на том, что читатель тоже соучастник в творчестве творца, а читатель, который отодвинулся почти на два века от времени творца, имеет душевную историю, обогащённую опытом жизни нескольких поколений, то есть напряжённой духовной жизнью всего народа. Современник писателя и читатель совершенно иного века — разные люди, и, естественно, они по-разному воспринимают одно и то же произведение. Читатели разных эпох в силу своего иного понимания заполняют творение новым содержанием. Это, конечно, относится только к великим творениям и именно этим объясняется их жизнь в веках, их неуязвимость.

Вот в этом плане давайте и перечитаем «Горе от ума». Тем более что предшественники в этом у нас есть. Ещё в 1913 году А. Блок записал в дневнике: «Грибоедов любил Фамусова, уверен, временами больше, чем Чацкого. Пришли Белинские и сказали, что Грибоедов, Гоголь «осмеяли»... Отсюда начало порчи русского сознания — подлинной морали, религиозного сознания». Стоит вдуматься в этот горький диагноз — «начало порчи русского сознания». Также Блок считал «Горе от ума» «непревзойдённым, единственным в мировой литературе **неразгаданным** до конца, символическим в истинном смысле этого слова» произведением.

Уже налицо разность восприятия «Горя от ума» И.А. Гончаровым, написавшим «Милльон терзаний», хрестоматийную критическую статью о великой пьесе в 1872 году, и А. Блоком, сделавшим запись в своём дневнике в 1913 году. Всего 43 года между ними, но каких исторически насыщенных!

Нам, читателям трагичного XX и так тяжело начавшегося XXI веков, надо понять, почему для А. Блока Фамусов «временами больше любим, чем Чацкий». Мы-то привыкли в Фамусове видеть причину всех зол, а на Чацкого уповать.

Отправной точкой для альтернативного школьного анализа этого произведения должно быть и отношение Грибоедова к декабристам: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Этим словом «прапорщики» уже многое сказано: не за своё дело взялись эти люди. Ещё более отрицательная оценка декабристам звучит в письме его к другу, оказавшемуся вмешанным в бунт, Александру Одоевскому, за которого горячо хлопотал: «Кто тебя завлёл в эту гибель!!! В этот сумасбродный заговор! Кто тебя погубил!! Ты был хотя и моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя позаимствовать!..»

В этом высказывании явно слышится, что Грибоедов чётко осознавал дефицит нравственности в движении декабристов. Это чувствовали, впрочем, и сами «молодые штурманы бури». Идеолог их Н.И. Тургенев писал: «Новейшие народы идут к счастью выгодами эгоизма и корысти. К стыду рода человеческого, может быть, надо признать, что путь новейших народов вернее, да теперь другого и существовать не может — вернее и прочнее: созданное на сих неблагоприятных основаниях стоит, кажется, твёрже». Молодой Н.И. Тургенев понимал, что эгоизм, корыстолюбие, агрессивность, бессовестность и авантюризм, присущие буржуазии, — это «стыд человеческий», но он поспешал за иноземным, как и наша

правлящая элита уже в наши дни спешит и даже перегоняет в безнравственности своих учителей. В одном из писем Грибоедов, очарованный русским пением вдали от родины, с горечью признал, что его соотечественники не поняли дивной красоты народной русской песни и назвал их «ПОВРЕЖДЁННЫМ классом полуевропейцев». И там же воскликнул: «Каким чёрным волшебством сделались мы чужие между своими». Об этом же «повреждённом классе полуевропейцев» позднее В. Ключевский сказал: «Когда наступила пора серьёзно подумать об окружающем, они начинали размышлять о нём на чужом языке, переводя туземные русские понятия на иностранные речения... Русский мыслитель не только не достигал понимания родной действительности, но и терял способность понимать её». Автор «Горя от ума» видел в декабристах именно тех «ПОВРЕЖДЁННЫХ полуевропейцев», которые потеряли способность понимать родную действительность. Сам же Грибоедов был не просто человеком государственного ума, но и был человеком, истинно преданным своему народу. Вот строки из его письма: «...у меня государево дело первое и главное, а мои собственные дела ни в грош не ставлю. Я два месяца как женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю её здесь одну, чтобы поспешить в Тегеран».

Зададим себе вопрос: мог ли этот человек, рискуя своей жизнью, утверждавший русское государство, служить делу разрушения этого же государства посредством написания великой своей пьесы? Конечно же, нет! И не его вина, что его пьесу многие современники прочитали по-своему. Хотя и не

все. Пушкин сразу же отметил, что Чацкий вовсе не умный человек, а Грибоедов, напротив, очень умён. Пушкин был в восторге от языка пьесы, а вот Чацкий восторгов в нём не вызвал. Почему? С чего начинается Чацкий? С резкой критики московских нравов. Оправданно ли это? Грибоедов завершил свою гениальную пьесу в 1824 г. Всего 12 лет прошло с разорения Москвы французами и последовавшей великой победы над дотоле непобедимым Наполеоном. И славная эта история была не далёким прошлым, была у всех на слуху. И, кроме победы, было и очень достойное и быстрое восстановление Москвы и всей России. И уже в 1813 г. поэт Мерзляков пишет: «С нами совершаются чудеса божественные. Москва, разрушенная, опустошённая, — уже лучший город России». Писатель Ашукин в книге о пушкинской Москве сообщает, что разорённую Москву восстанавливали с большой любовью: на месте, где была топь, были проведены осушительные работы и проложена Театральная площадь, а река Неглинная взята в трубы и засыпана землёй. У стен Кремля были посажены сады, а на Моховой построено здание Манежа. Разве это не достойно если не восхищения, то хотя бы уважения? А до этого совершённый подвиг жителей Москвы, поджёгших родные дома и дворцы, ушедших в ополчение и в партизаны?! А как блистательно, на христианских началах, русский монарх упорядочивал жизнь послевоенной Европы?! Кроме того, война — это ещё и сиротство. Почему Чацкий вырос в доме Фамусова? Вполне возможно, что его отец погиб на поле сражения. Фамусов вырастил сына своего друга. Уже за одно это Чац-

кий должен быть уважителен к нему, но у него на всё только насмешка гордеца. Не понять ему, что именно поколению Фамусовых принадлежит честь победы над Бонапартом, и именно на московское барство и именно на московское мещанство жаловался Наполеон из-за того, что они повели себя не по правилам, и он потому только и проиграл войну. Удивительно, что Чацкий ни разу даже не вспомнил о недавней славной странице своего отечества, а ведь те славные события, повторяем, были ещё у всех на слуху, это была не старина, а почти что настоящее. Может быть, потому, что в Европе не любили вспоминать о своём неблагоприятном прошлом? А ведь и Пушкин, и даже Лермонтов, родившийся после войны 1812 года, никогда не забывали об исторической роли Москвы. Вспомним: «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось!» Да, помнил Пушкин многое, и всё отзывалось в его душе гордостью: и татаро-монголов Москва одолела, и поляков, и французов. Так исторически сложилось, что в судьбах России Москва играла роль созидательную. А вот в сердце Чацкого ничто на это не отозвалось. Главное приобретение его за годы странствий — глумливая насмешка над Отечеством. Да, конечно, много и тогда, и сейчас было неблагополучного, а то и страшного в жизни российской, но возьмём за образец Пушкина: «Я далеко не в восторге всем, что вижу вокруг себя.., но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог послал». С наскоку и с налёту хочет

Чацкий другой Родины. А это невозможно: всё доброе даётся через очень долгий и кропотливый труд, именно поэтому так скептически назвал Грибоедов декабристов прапорщиками. Максимализмом своим Чацкий может привлекать только совсем неопытных людей. А вот оценка максимализма, данная русским философом князем Евгением Трубецким: «Сколько надежд уже разбил этот прямолинейный максимализм, и сколько терзаний причинил он русскому народу... Неудовлетворённость всем вообще существующим, неспособность к компромиссам, склонность к повышенным, максимальным требованиям... — это опьянение и бред величия». По мысли Трубецкого, максимализм «создаёт преступные типы, которые всегда готовы вести истребительную войну всякого не соответствующего их формулам общества». По мысли Трубецкого, надо следовать принципу: «и не всё, и не ничего, а КОЕ-ЧТО» Чацкий тоже максималист: мы узнаём, что он служил в Петербурге на уровне министров, но очень быстро разочаровался и службу бросил. И. Гончаров в известной своей статье называет его борцом, но какой же это борец, который сдаётся перед первым же препятствием и только критикует, а это гораздо легче, чем созидать.

Чацкий справедливо выступает против уродливых проявлений крепостного права. Конечно, страшно, когда продают людей или обменивают их на что-либо, хотя, может быть, у новых хозяев им будет гораздо лучше. Не зря же отмену Юрьева дня крепостные встретили без ликования, т. к. это был единственный день, когда раб мог что-то изменить в своей судьбе. С тем же пылом негодования Чацкий гово-

рит и о судьбе крепостного, который зимой должен петь соловьём. Да этот крепостной рад счастью заниматься пением, а не барщиной. Это говорит о том, что юный оппозиционер смутно представляет себе то, что хочет менять, что он не знает чаяний и возможностей своего народа. Кроме того, он сам лично не отличается даже просто тактичностью, где уж тут говорить о гуманизме. При первой же встрече с Софьей он очень неуважительно отзывается о её дяде и о её «тётушке», ничего тёплого мы не услышали и о Фамусове, в доме которого вырос. Он вроде видит в крепостных людей, но вот за весь день ни взглядом, ни словом не обмолвился с Лизой, а ведь они выросли вместе, и уж она-то как рада была его приезду, но он её и не заметил, как не замечают детали интерьера. Рядом с этим Хлестова воспринимается совсем по-иному. Да, она привезла на бал и собачку, и арапчонку, чтобы показывать их, как показывают зверушек в зоопарке, но они ведь у неё любимые, и она не забывает на балу позаботиться о них: ничего бесчеловечного в этой крепостнице нет, симпатичная патриархальная старушка.

Но постараемся быть объективными и к Чацкому. Он умён, наблюдателен, умеет делать точные заключения, и если у него и горе от ума, то только от ума Европы с её революциями, безбожием просветительского века. Почерпнутое за границей вытеснило из его головы своё русское, он утратил «способность объективно оценивать русскую историю и действительность». Надо только помочь ему освободиться от этого наваждения Европы, которое выразилось в притязаниях особо амбициозных молодых людей возомнить себя Наполеонами и начать по-

своему перестраивать общественное устройство государства, которое у всех народов складывалось веками и очень трудно, а порой и трагически трудно.

Ведь ум Чацкого высокий, не плоский, как у Репетилова, не пошлый и низкий, как у Молчалина. Но этот умница, так страстно желающий видеть свой народ в достоинстве, сейчас в претензиях к московскому барству смешон, как, наверно, были смешны Грибоедову горячие речи молодых русских офицеров, возомнивших себя реформаторами. Наверное, автор комедии, очень серьёзно занятый на дипломатическом поприще и пребывающий вдали от Родины, не в полной мере осознавал, насколько далеко в своём фронтёрстве зашли эти офицеры, и для того, чтобы обуздать их несоразмерные политические амбиции, решил, что достаточно посмеяться над их амбициями в жанре комедии. А наше литературоведение с самого начала разбирает комедию как драму. Если бы Грибоедов знал всю глубину офицерской затеи, то писал бы трагедию. Смехотворность положения Чацкого подчёркнута образом Репетилова, зеркального отражения Чацкого. Как бессвязны и глупы речи Репетилова, так смешны и нападки Чацкого на Москву, на эпоху Екатерины Великой. Как не заметил Чацкий величия александровской эпохи, так не заметил он и величия екатерининской эпохи, эпохи легендарного Суворова, эпохи великого Потёмкина, эпохи славного Державина. Вряд ли Грибоедов хотел смеяться над великим веком. Смеётся над этим веком его герой, который не знает хорошо историю своего народа, и именно этим он и смешон. Заметим и то, что двойник в пьесе есть только у

Чацкого. Возможно, образом Репетилова автор хотел ещё и ещё раз подчеркнуть несовместимость идей и притязаний декабристов с исторически сложившейся русской ментальностью. Тому подтверждение — реакция на восстание на Сенатской площади всех слоёв общества. Для простолюдина понятие «царь» было неразделимо со святостью, да эти «штурманы будущей бури» и не были склонны считаться «мнением народным». Они сами за всех всё понимали, как и Наполеон, так до конца жизни и не понявший, что принёс с собой в мир только кровь и горе. Солдаты же, стоявшие в боевом каре на Сенатской площади, просто повиновались любимым своим господам офицерам.

Такие достойнейшие представители высшего общества, как Н. Карамзин, В. Жуковский, Д. Давыдов отрицательно восприняли события 14 декабря 1825 года. А если они впоследствии хлопотали об облегчении участи сосланных, то только из христианского милосердия.

А. Блок на заре XX века считал это создание Грибоедова символическим. И вот по прошествии почти двух веков мы можем сказать, что символ в нём есть. И очень зловещий. Грибоедов точно предсказал этот зловещий символ России. Это Молчалин.

Молчалины действительно «блаженствуют на свете». Они никогда не живут с мыслью о пользе Отечества. Они живут с мыслью выдоить, выпотрошить Отчизну. Это Чацкие против чего-то выступают, что-то хотят в Отечестве улучшить, а Молчалины в это время используют знатных высокопоставленных знакомых, добиваются постов и грабят Отчизну. Фамусов Молчалина выписал из провин-

ции, дал чин асессора, который открывал ему путь в благородное общество. И сам благодетельствованный не промах: погладил собачку Хлёстовой, Фоме Фомичу подобрал приятную компанию для игры в карты, и уж эти простодушные русские люди вспомнят о нём, попавшем под горячую руку Фамусова, и щедро отблагодарят его. Тем более, что помочь попавшему в беду.. — это так по-русски. Воспользовавшись сумятицей отцов (Фамусов) и детей (Чацкий), выиграл Молчалин, надо думать, многое: с помощью Фомы Фомича, Татьяны Юрьевны, той же Хлёстовой он переберётся в Петербург, поподличает, как наказывал ему отец, и сделает карьеру. И неплохую: ведь Чацкие пренебрегают ею.

Все попали в сети Молчалина, в том числе и Софья, начитавшаяся в модных книжках о благородных, но безродных молодых людях, которым надо помочь возвыситься в обществе. И, кстати, скажем, есть своя правота у Фамусова, когда он говорит о вредном воздействии книг. Уж наш-то насквозь торгашеский век это проявил сполна. Книга книге рознь. Если бы не те французские развлекательные книжки, продававшиеся тогда на Кузнецком мосту, Софья не попала бы в сомнительное положение.

Всех поддел на уду Молчалин, а вот на необразованной Лизе «прокололся», и это потому, что она воспитана не французскими книгами, а простыми народными моральными постулатами. И, может быть, именно посредством образа Лизы Грибоедов выразил свою мысль о том, что русский путь идёт через соединение здравого народного смысла и высоких помыслов дворян. Истребление дворянского сословия страшно сказалось на судь-

бе России. Да, прав Грибоедов: «Молчалины блаженствуют на свете!» Из книжного Мочалина выросли потом гоголевские Чичиковы и чиновники города N.

Вдумаемся в слова А. Блока: «Грибоедов любил Фамусова, уверен, временами больше, чем Чацкого...». Подтверждается ли это самим текстом комедии? Да, во-первых, у Фамусова речь так же остроумна, блистательна, как и у Чацкого. Он энергичен, жизнелюбив, быстр в реакции. Во-вторых, он хороший, заботливый отец, вполне понятно его желание устроить счастливо судьбу дочери, всем нормальным отцам было и будет присуще это стремление. В-третьих, он готов «порадеть родному человеку». Ну, кто когда осудил своего родственника за помощь родным и близким?! Вот за то, что за был о корнях своих, осуждаем. Если бы мы всегда чувствовали ответственность и долг перед родом своим, много больше бы добра было на земле. Во всяком случае, такое понятие, как «родовитое дерево», в любом народе одобряемо.

А то, что с Лизой повольничал, так конь и о четырёх ногах спотыкается. Да и она ведь легко отбилась, а вот, если бы на его месте был Молчалин, то ей бы не миновать беды. А Фамусов не хам и не подлец. Это в нём отпечаток галантного XVIII века с его европейскими, кстати, манерами.

В чём же причина разлада между двумя поколениями? И кто в этом виновен?

Наверное, виновно всё-таки поколение Фамусовых, так достойно проявившее себя в 1812 году и так быстро отстроившее заново Москву. Сделав многое, это поколение успокоилось и пребывало в благодушном покое. А жизнь не

останавливается. В ней постоянно действуют как центростремительные, так и центробежные силы. После блистательной карьеры Наполеона, кровью, горем и разорением сказавшейся на судьбах народов, в том числе и французском, многие возмечтали о подобной славе. Пример Наполеона создал опасный прецедент доступности власти. И к власти стали стремиться самые разные люди — и подлые, и благородные. А это уже само по себе чревато для человечества не просто бедами, а катастрофами. XX век с его Гитлером тому подтверждение.

Благодушно почивая на лаврах победы 18-го года, старшее поколение не заметило идейных вызовов, которые были скрыты в опыте Наполеона, и не подготовилось к идейной полемике с сынами. В пьесе Фамусов, слушая Чацкого, только затыкает уши. Ему, искренне патриархальному человеку, мысли Чацкого — бред. (Кстати, может быть, и фамилию «Чацкий» Грибоедов произвёл от слова «ЧАД» — дым неприятного запаха, образующийся при сгорании чего-либо, то есть человек, набравшийся бредовых идей). Но ведь надо умно обосновать бредовость этих идей, а Фамусов к полемике оказался совершенно не готов, то есть поколение отцов пренебрегло развитием духовных ценностей и не усмотрело в идеях французских просветителей и опыте Наполеона, очень сильно и резко влияющего на молодые умы, катастрофически опасного прецедента. Гордыня, этот очень опасный соблазн, овладел молодыми русскими умами. Все видели, как высоко может взойти обычный человек, и никто не делал вывода из его бесславного конца. Никто не проанализировал,

каковы итоги его деяний. Каждый, наверное, думал, что превзойдёт самого Наполеона. Вот в этом начале конца русского родового дворянства. Мятеж и гордое противопоставление себя миру, и атеизм стали фундаментом мировоззрения младших поколений, всё больше подпадающих под сугубо книжное влияние и разрывающих связи с православием.

Последний великий поэт России А.Блок, очевидец катастрофических событий начала трагического XX века, всматривался в истоки этого катаклизма и увидел их в «порче русского сознания... и подлинной морали», так усердно преподносимыми в печатных средствах того времени, которые в наше время называют средствами массовой информации — СМИ.

В конце XX века мы опять подвергли советскую действительность сокрушительному отрицанию, опять забыли о святых, и временами кое-кто сомневается в правомерности нашей Победы в 1945 году. Негативное восприятие своей истории — это есть опять «порча русского сознания и подлинной морали».

Нельзя допускать девальвации исторических и моральных ценностей. Это грозит не только обществу в целом, но делает ущербными судьбы отдельных личностей. Заботой об этом продиктовано и всё творчество писателя-провидца Достоевского. Но, увы, «нет пророка в своём отечестве».

Хочется напоследок сказать и об образе служанки Лизы. Её автор в списке лиц пьесы называет очень ласково — Лизанька. Ни к кому из своих героев автор не проявил своего тёплого отношения. Госпожа Лизы Софья очень дорого, надо думать, заплатит за свою

подверженность модной идее века — эмансипации женщин. А вот Лиза, свято уверовавшая в незыблемость морально-нравственных устоев своего народа, сохраняющая трезвость ума, никогда не попадёт в смешное и недостойное положение, хотя стоит на ветру жизни ничем не защищённая, кроме народной морали. К образу Лизы Грибоедов относится, по-моему, так же тепло, как и Пушкин к своей Татьяне. Госпожа Лизы нелепа в том, как она выстроила свои отношения с предметом своей любви, зато как нам понятно трепетное восклицание Лизы:

Ну, люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви
до смерти трушу, —
А как не полюбить
буфетчика Петрушу!

И мы верим её чувству, чистому, стыдливому, сокровенному. Бестрепетность же в любви юной её госпожи вызывает недоумение.

По мысли великих (Пушкин, Грибоедов, Достоевский), консерватизм нравственных ценностей — вещь необходимая: есть вечные ценности, которые переоценке не подлежат. Чуть позже той же незыблемостью нравственных принципов над европейски образованным Онегиным возвысится в русской поэзии Татьяна Ларина. И как несостоятельно рядом с этими образами утверждение Добролюбова о том, Катерина из «Грозы» Островского — «луч света...»

Те, кто строит свою жизнь под влиянием модных идей и не доверяет основам нравственных ценностей своего народа, обычно становятся, по меньшей мере, героями драмы, если не трагедии.